

«Есть три эпохи у воспоминаний...»¹

История журнала «День и ночь» овеяна мифами и легендами, накопившимися за тридцать лет и вокруг отцов-основателей, и вокруг тех, кто поддерживал журнал словом и рублём, и вокруг событий, так или иначе связанных с деятельностью его меняющихся редакций и редколлегий. Не стремясь развеивать мифы (это, как показывает опыт, дело бесполезное), открываем итоговый, шестой, номер «ДиИ» за юбилейный 2023 год фрагментами материалов о нашем журнале, появившихся в разных российских СМИ в разные «эпохи воспоминаний», а также исповедальным словом главного редактора.

европейской части России. Так что адрес редакции «Санкт-Петербург—Красноярск—Магадан—Иркутск—Москва» звучит хотя и непривычно, но вполне оправданно.

Журнал вышел форматом старой «Юности», но без цветной обложки и вкладок (что каждому журналу, печатающемуся в российской типографии, идёт только на пользу). Скромность оформления сочетается, впрочем, и со скромностью содержания. Как всегда, хорош Евгений Попов, явно вынудивший свой рассказ из самого дальнего ящика стола. С подбором же стихов у прозаика Солнцева и его первого заместителя, тоже прозаика, Эдуарда Русакова не возникло особых трудностей: темы подсказывает сама жизнь. Приведём цитату из поэмы Михаила Мельниченко, посвящённой... ваучерам:

Над седой равниной моря ветер ваучеры гонит,
Между небом и землёю реет ваучеров туча.

Среди прочего стоит отметить отрывки из книги лагерных воспоминаний «Дорога длиной в шестьдесят лет» Аркадия Гадаскина. Несмотря на явно хорошее знакомство автора с «Колымскими рассказами» Варлама Шаламова, текст удачно отличается известной свежестью.

Главным же сюрпризом номера стал фрагмент из второй части романа Виктора Астафьева «Прокляты и убиты» (первая часть была опубликована «Новым миром» в позапрошлом году и была выдвинута на соискание премии Букера за лучший русскоязычный роман 1992 года—Ъ писал об этом в ноябре). Произведение известного автора посвящено новобранцам Великой Отечественной. В первой части речь шла об их пребывании в тылу и подготовке к отправке на фронт. Некоторое представление об условиях тыловой жизни можно составить уже по названию—«Чёртова яма». Вторая часть именуется «Плацдарм» и по уровню натурализма не уступает первой.

Общее впечатление от номера схоже с ощущением, остающимся у читателя от прозы Астафьева,—стремление говорить правду в лицо. Что,

1. Строчка из стихотворения А. А. Ахматовой.

2. Газета «Коммерсантъ» № 23 от 10.02.1994 (<https://www.kommersant.ru/doc/70875>).

I

1994

АЛЕКСАНДР Ъ-ВЛАДЫКИН

Новый литературный журнал²

*Что для Красноярска—день,
для Москвы—ночь*

Вчера вышел из печати первый номер нового литературного журнала, названного издателями «День и ночь». Подобное наименование продиктовано, возможно, географическим положением самой редакции, находящейся частично в Сибири и частично в Европе: когда в Красноярске уже утро, в столице ещё глубокая ночь. И наоборот.

Главный редактор нового журнала Роман Солнцев, если судить по первому номеру, отнюдь не страдает синдромом «сибирского патриотизма»—в состав редколлегии вошёл бывший абориген Урала, а ныне житель подмосковного Переделкина романист Александр Иванченко, петербуржцы Борис Стругацкий и Нонна Слепакова, а также Валентин Курбатов из Пскова. Не менее разнообразна и «прописка» авторов: в номере представлено творчество как сибиряков, так и жителей

разумеется, изрядно устарело, напоминает физиологический очерк и оставляет за скобками непосредственные проблемы словесности ради «поиска истины». Зато избранная интонация позволяет журналу избежать сходства со столичными образцами — московские журналы сегодня не могут позволить себе такой прямой и отнюдь не «постмодернистский» тон. Плюс это или минус — будет решать читатель.

2001

РОМАН СОЛНЦЕВ

Напоминание о счастье³

Поэты, в отличие от политиков, не умеют скрывать своих чувств и вечно «подставляются», распахивая душу перед читателями, признаваясь им в самом тайном и сокровенном. Но чудо поэзии в том, вероятно, и заключается, что исповедь поэта находит отклик в чужих сердцах. Поэты как дети — не устают объясняться в любви всему миру и надеются на взаимность. А ведь мир жесток, и с возрастом лишь накапливается горечь разочарований...

Впрочем, мой сегодняшний собеседник, Роман Харисович Солнцев, — не только поэт. Будучи автором многих повестей и рассказов, он хорошо разбирается в прозе жизни, а его опыт работы для театра помогает ему постигать тайную драматургию быстротекущей реальности. Кроме того, он является сопредседателем Союза российских писателей, директором Сибирского филиала Русского ПЕН-центра, главным редактором литературного журнала для семейного чтения «День и ночь», инициатором многих издательских проектов. А начали мы разговор, как и водится, с воспоминаний...

Такой как есть

Смотри на меня не сурово.
Я слабый сын поколения.
О жёсткие кепки сугробов
свои окровавил колени.

Весной меня жалили змеи.
Лицо мне сожгли комары.
Но я сочинять умею
стихи и творить костры.

Я только по пьянке спесив.
Могу и железо есть.
Прости, что я некрасив.
Прими такого как есть.

— Читая это стихотворение из твоей новой, ещё не изданной книги «Напоминание о счастье»,

я невольно вспоминаю твои же давние стихи: «Мне двадцать шесть, рыжеет волос, и сух мой голос в телефон. Подходит лермонтовский возраст, торопит он, торопит он...»

— Мы же все жили с оглядкой на великих... Не из самонадеянности, конечно, но из суеверия. Кстати, вчерашней ночью я записал совсем уж горестные строчки: «Глупость, непостижная уму. Упустить свой жребий не боишься? Пушкин спит понятно почему. Ну а ты-то спать чего ложишься?» Ведь если честно — не сделано и десятой доли того, о чём мечталось. Да и мечталось не так дерзко, как должно мечтаться в молодости. Смотрю на сегодняшних молодых людей с восторгом: какие смелые, уверенные... Или играют в эту уверенность? Но нам и это было невозможно. Шибко умных, шибко смелых охоложивали. Мы, кривой травкой вылезшие из-под красной плиты, долгие годы считались молодыми — государство поощряло инфантилизм. Пионеры до четырнадцати лет, комсомольцы до тридцати, а то и сорока... власти это нравилось. Ещё недавно писатель в пятьдесят лет шёл по разряду молодых...

— А у того же Лермонтова, в повести «Вадим», есть брошенная мимоходом фраза: «В комнату зашёл старик лет сорока...»

— Мы же в сорок считались юношами... Поощрялось презрение к «мещанству», к быту, к семье... только поезда, только сиреневый туман, только вперёд, в неведомое... И до старости — ты скиталец... Дешёвая, не слишком раздумывающая рабочая сила для государства... Могу вспомнить те же наши дни на целине, и прямо над нами, в небе Казахстана, испытания атомной бомбы... Конечно, в затянувшейся молодости было и светлое что-то: романтизм, наивность... Вот почему в России было (и осталось) столько стихотворцев. Ни в одной стране мира нет столько поэтов, как у нас. Но когда не воспитываются бойцовские качества, крушение иллюзий неизбежно. И сейчас маятник пошёл в другую сторону — сплошь и рядом искушение силой, пропаганда разных форм борьбы, драки, внедрение в кисельные мозги юных людей жестокой философии одиночества, недоверия к кому бы то ни было. Об этом я не могу не думать, работая в Красноярском литературном лицее, да и во время встреч с молодёжью в школах и вузах города.

— Насчёт инфантилизма ты прав, конечно. Хотя можно вспомнить и о том, как нам постоянно ставили в пример шестнадцатилетнего Гайдара, который командовал полком...

— Да, но в те годы нигде ни одной строки не было о том, какая расплата ожидала Аркадия Петровича за такое раннее взросление: водка и психушка.

3. <https://pub.wikireading.ru/aB9mC1p7Oz>

Потому что не мог он забыть, как расстреливал из пулемёта хакасские сёла... Как же найти золотую середину в искусстве? Или, как говорили в древности, золотое сечение? Чтобы в книге была и правда, и красота, и духовность, и чистота дыхания. Ведь в России книга всегда была чем-то бóльшим, нежели просто кучей склеенной бумаги для развлечения. Вот и приходится задаваться вопросом: а ты-то что пишешь? А ты-то куда зовёшь? Или просто пятки щекочешь, или на ночь страшилки рассказываешь?

— Ну и как ты отвечаешь на эти вопросы?

— Отвечаю делом. Нынче у меня на выходе несколько повестей, написанных в последние годы. Некоторые из них печатались в «Новом мире» — например, «Иностранцы». Две повести были в журнале «Нева», одна выдвигалась на Буковскую премию. Но где достать эти журналы? Их не в каждой библиотеке нынче выписывают — дорого. Книги же, изданные в провинции, до Москвы не доходят, критики их не видят, по телевидению про них не расскажут. Сегодня знают или тех, кто уже был известен в доперестроечное время (впрочем, многих и подзабыли), или тех, кто пишет детективы. Что касается стихов, они издаются и в Москве, и в провинции крохотным тиражом — в сто, триста экземпляров. Если две тысячи — это уже успех (и риск для издателя). Вопрос: что делать? Делать то, что и делал, — работать по совести. Здесь для меня великий пример — Виктор Петрович Астафьев, мудрец, поэт, восхитительный рассказчик. Жадный интерес к жизни, страстная любовь к свету и тьме (да, и тьма нужна человеку!) дарят ему творческое долголетие.

— Не мешает ли творчеству педагогическая работа в литературном лицее?

— Эта работа отнимает силы, но даёт радость. Хуже, когда наоборот! (Смеётся.) Я веду в лицее мастерскую, мы с ребятами анализируем замечательные произведения классиков, размышляем над их черновиками, пишем сказки, стихи, диалоги, критикуем друг друга. Сейчас мы все вместе сочиняем пьесу о современной школе. Хорошо, что мэрия выделила деньги на ремонт помещения, где мы работаем. Скоро у нас будет ещё три комнаты для занятий, что очень важно, так как к нам просятся с нового года ещё около семидесяти юных сочинителей. Дети у нас замечательные! Даже язвительный Саша Силаев, который, кстати, ведёт у нас мастерскую по журналистике, сказал, что «таких детей не бывает»...

— В последнее время участились критические нападки на интеллигентов-«шестидесятников», к которым, мне кажется, можно с полным правом отнести и тебя. Что ты скажешь по этому поводу?

— Для меня «шестидесятники» — это и Окуджава, и Распутин, и Евтушенко, и Юрий Кузнецов, и Горбачёв, и Сахаров. Не представляю себе, кто бы мог бросить в них камень...

— Бросают, да ещё как!

— Боюсь, здесь просто прячется некий медицинский диагноз. Или это люди, безмерно перед Россией виноватые, но перебрасывающие своё озлобление на других людей (по принципу «держи вора»), или те, кто в любые времена плюёт во вчерашний день. Поэтому мне стыдно слышать эти поношения, особенно произнесённые талантливо, со слезой в глазу. Я в таких случаях думаю: вот бы судьба дала вам возможность быть рупором своего поколения — что бы вы наговорили?! Но история не знает сослагательного наклонения, и упрекать свой народ за то, что он когда-то не тех полюбил (а он любил их!), — значит, ставить себя вне своего народа.

...Больше, чем поэт?

Карманы пусты,
удивить тебя нечем.
Я ухо себе оторву —
держи, как цветок,
этим красным вечером.
Не гляди на Москву.
Здесь тоже можно жить
и надеяться.
Народ честнее стократ.
Сибирь никогда никуда
не денется,
а столицы горят...

— Учитывая твой опыт работы народным депутатом СССР и пребывание в краевой администрации, не кажется ли тебе, что любое искушение властью губительно для писателя?

— Надо ещё разобраться, что такое власть. Когда меня на учредительном съезде Союза российских писателей избрали сопредседателем и секретарём правления и когда давали дачу в Перedelкине и ставили на очередь на квартиру в Москве — вот это, я думаю, было искушение властью. Но когда за меня проголосовало семьдесят процентов красноярцев, избрав народным депутатом СССР, я, знаяший эту жизнь не понаслышке, хлебнул столько за эти годы людского горя, надежд и разочарований... И когда меня из Москвы позвал обратно в Красноярск наш первый губернатор Аркадий Вепрев, я бросил все соблазны упомянутой писательской власти и стал работать в администрации на очень зыбкой должности, с утра до вечера встречаясь с самыми разными людьми... Люди шли ко мне и звонили на работу и домой, в любое время суток.

А самое главное—ни разу ни Вепрев, ни Зубов не попросили меня пойти против совести, в чём, кстати, я их самих также не могу упрекнуть. Но, конечно, когда усилились нелады в государстве, когда люди подолгу не получали зарплату и пенсии, я, не имеющий отношения к экономике, всё равно чувствовал безмерный стыд... Так что положение нашего брата во власти очень болезненно. И сейчас, например, мне куда легче смотреть людям в глаза.

— *Как ты относишься к попыткам некоторых представителей краевой администрации покушаться на независимость газеты «Красноярский рабочий»?*

— Прежде всего хочу заметить, что у меня к уважаемой газете есть свои претензии... Но пытаться командовать ею было бы большой ошибкой. Потому что за газетой «Красноярский рабочий» стоит огромное количество подписчиков, особенно в глубинке. И эти люди любую неточность власти в эпоху свободы слова и демократии воспринимают особенно болезненно. Мне кажется, добрая власть должна заботиться о своём имидже.

— *Что нового в делах Сибирского филиала международного ПЕН-клуба?*

— Недавно мы приняли в ПЕН-клуб замечательного иркутского поэта Анатолия Кобенкова и нашу, красноярскую, поэтессу Марину Саввиных. На днях будет рассматриваться вопрос о приёме новосибирского писателя Геннадия Прашкевича, который делает много для культурных обменов между Америкой и Россией. В частности, с его подачи мы напечатали в «Дне и ночи» огромную подборку русских поэтов, живущих за рубежом, под названием «Хранители родного слова». Что же касается правоохранительной деятельности ПЕН-клуба, то нашу озабоченность вызывают как раз те случаи давления властей на СМИ, о которых мы только что говорили.

— *На последнем писательском собрании, где, на мой взгляд, царил хаос и взаимонепонимание, прозвучали, в частности, и в твой адрес упрёки в «расколе»... Что ты можешь сказать в связи с этим, и вообще, как оцениваешь сложившуюся ситуацию?*

— В настоящее время готовится общее писательское собрание, на котором будет обсуждена и утверждена окончательная схема руководства нашей организации, а представлена она должна быть обоими союзами—Союзом писателей России и Союзом российских писателей. Но вся беда в том, что в местном отделении Союза писателей России никак не выяснят, кто же у них главный. Там сейчас образовалось два бюро: одно возглавляет Щербаков, а другое—Задереев. На нашей общей встрече

они (Задереев и Щербаков) обещали в течение февраля избрать единое бюро, но вот уже конец марта—и никаких перемен. Мы, члены Союза российских писателей, даже согласились, чтобы в их бюро было больше членов, чем у нас, но, видимо, и этих вакантных мест им маловато... А в нашем отделении, как ты знаешь, никаких ссор, мы живём своей жизнью, работаем, пишем. Если кто-то говорит о «расколе», то это не по нашему адресу... Более того, в нашем журнале «День и ночь» мы охотно и часто печатаем (и в этом легко убедиться!) представителей всех союзов, мы даже не обращаем на это внимания—лишь бы был талантливый текст.

— *Мне приходилось слышать упрёки, будто бы журнал «День и ночь» издаётся в ущерб альманаху «Енисей»...*

— Это, конечно же, чепуха. Я буду рад, если «Енисей» снова начнёт выходить. Мы ведь все когда-то печатались в «Енисее». Правда, в последние годы меня туда не приглашали, и я не помню, чтобы приглашали членов нашего союза. Не зря Виктор Петрович Астафьев вышел из редколлегии альманаха... Но если будет и далее нужна наша помощь, мы (я имею в виду «День и ночь») можем поделиться, как это делали и раньше, хорошими стихами и прозой, дожидающимися у нас очереди. У нас есть замечательные материалы по истории, краеведению, которым сам Бог велел быть на страницах «Енисея»,—и мы готовы эти материалы им предоставить. Так что никаких интриг с нашей стороны нет, наоборот. Но где же он, «Енисей»? Насколько мне известно, там нет работающей редколлегии, только одни разговоры. Всё это вызывает искреннее огорчение.

— *Чем порадует читателей новый номер журнала «День и ночь»?*

— Это будет сдвоенный, даже строенный номер—около семисот пятидесяти страниц. Там собраны самые яркие произведения, напечатанные в журнале за семь лет. Сохранили всё лучшее из поэзии, прозы, публицистики, мемуаров. Безусловное предпочтение отдали сибирякам, таким как красноярец Анатолий Янжула, принятый недавно в Союз писателей, прозаик из Барнаула А. Котеленец, иркутянин Б. Ротенфельд. И, конечно, не могли мы забыть наших талантливых юных поэтов и рассказчиков—школьников Красноярского края, в этом номере мы даём что-то вроде антологии дебютантов. Кроме того, наш журнал совместно с издательством «Гротеск» и литературным лицеем издаёт уже третью книжку в серии «Первая книжка». Первый номер журнала ещё не вышел, а в работе уже второй номер, который появится в апреле. Там будет тоже много сибиряков, но ожидаются и сюрпризы—например, нам обещали свои новые произведения Василий Аксёнов из Вашингтона

и Евгений Попов из Москвы (кстати, он бывший красноярец).

— Ты являешься главным редактором книжной серии «Поэты свинцового века». Первые книжки из этой серии уже стали библиографической редкостью. Из других городов меня просят прислать сборнички Тинякова, Маслова, Барковой... Имена этих поэтов возрождаются сейчас из забвения. Кто на очереди?

— Следующими будут книжки поэта-дивногорца Николая Рябеченкова, бывшей норильчанки Лиры Абдуллиной и поэтессы из Новосибирска Елизаветы Стюарт. Её имя нельзя назвать забытым, но многие её стихи не были напечатаны при жизни.

Верю в добрых людей

Путь наш тернист, никак не прям.
И радости тут очень мало.
Крестами вылетающих рам
меня Россия осеняла.

Но хоть вы бейте ломом в лоб—
я верю в будущее наше.
Вы даже золотой нам гроб
готовы сделать?
Кукиш нате!

— Вернёмся к главному—к твоим стихам и прозе. Как пишется? Как издаётся?

— Последней была книга прозы в «Платине» — «Очи синие, деньги медные», она вышла ещё при поддержке Гулидова. За последнее время написал несколько повестей, которые, возможно, составят потом одну большую исповедальную книгу. В Москве должны вскоре выйти в одной серии три книги, три повести — «Свобода ночью», «Личный счёт» и «Возвращённая родина». Я уже четвёртый год работаю над этим повествованием, хочу рассказать об отце, о его поколении, о том, как всё это аукалось в нас... Пишу и стихи. Заканчиваю работу над книгой под названием «Напоминание о счастье». Это моя благодарность всему прекрасному, что я видел в жизни, — матери, любимой, родине, друзьям. Эту книгу обещает издать в Москве Станислав Лесневский.

— А новые пьесы?

— Пьесу «Красноярский сериал» в «Дне и ночи» ты читал, её сейчас рассматривают в театре имени Моссовета. Жаль, что в нашем тюзее сейчас смутное время и спектакль по моей пьесе «Жизнь при голубом свете» сняли с репертуара. Почему сняли? Да просто потому, что новое руководство предпочитает мюзиклы...

— Позволь заглянуть в твою творческую лабораторию. Как ты пишешь — по плану или по

вдохновению? Или, может быть, с утра — стихи, а после обеда — прозу?

— У меня эта работа похожа на подземный торфяной пожар. Когда задумываешься над судьбой какой-то семьи, когда тебя не отпускают события, придуманные или увиденные (это не имеет значения), ты стоишь как бы на раскалённой земле, и твоя исповедь может быть горячей, болезненной, обращённой к одному человеку, — это стихи. А когда ты видишь, что пламя выбило наверх и охватывает дома, ты созываешь народ, стараешься быть вместе со всеми, пытаешься осознать происходящее, — это, наверное, проза. А театр — он и есть театр. По накалу это поэзия, а если сбоку глянуть — игра.

— Кого бы ты назвал лучшим поэтом двадцатого века?

— Самый строгий, честный, волшебный поэт прошлого века — это Александр Блок. С прекрасным русским языком, с мудрыми мыслями, понятием жизни человеку, с бесконечным восхищением жизнью. Конечно, я люблю и Есенина, и Маяковского, и Цветаеву, и Мандельштама... Но именно Блок, стоявший на рубеже веков, представлявший как бы Пушкина в нашем веке, — он для меня первый поэт столетия. Очень жаль, что он умер от голода, от безверия, от нежелания жить...

— Есть ли у тебя любимая стихотворная строчка?

— Из черновиков Пушкина: «Вся жизнь — одна ли, две ли ночи...»

— Помню, в шестидесятые годы многие мечтали стать физиками, даже в стихах у поэтов (и у тебя в том числе) очень часто встречались образы ракет, циклотронов... Как ты думаешь, кто сегодня герой нашего времени? Неужели — делец, бизнесмен или, того хуже, киллер?

— Не согласен. Если говорить о молодых, то сейчас я наблюдаю у них огромную тягу к гуманитарным наукам, многие ребята читают запоем книги по философии, по истории. Жаль, что сегодня многие стыдятся обнажить свою душу, робеют признаться в чистой любви, стесняются добрых слов, светлого начала... Нам всё кажется, что над этим будут смеяться. Так вот, должен прийти герой, который не будет бояться быть хорошим человеком. Много лет назад в одном московском театре шёл спектакль по моей пьесе «Ждём человека». Тогда же у меня выходила книга «День защиты хорошего человека». И сейчас, спустя двадцать лет, я продолжаю верить, что хороший человек нужен и в жизни он есть. Вот почему мне больше всего хочется написать очень добрую, светлую книгу. И я верю, что я её напишу.

ОЛЬГА МИТИНА

Прощай, «День и ночь»? ⁴

Известие о том, что в Красноярске прекратил существование литературный журнал «День и ночь», горечью отозвалось и в сердцах казанцев, среди которых немало постоянных авторов и читателей «ДиН». Вот и в последнем номере журнала, увидевшем свет незадолго до Нового года, наряду с прозой и поэзией сибиряков, представлены стихи молодой казанской поэтессы Анны Русс. Хотя, в общем-то, это нетипично. Как правило, на страницах красноярского журнала творчество казанцев представлено не одним, а сразу несколькими именами. Чтобы лишний раз убедиться в этом, беру наугад увесистую «тетрадку» и вожу пальцем по оглавлению: Юрий Макаров, Адель Хаиров, Диас Валеев, Виль Мустафин...

И всё же напомним, откуда у красноярцев эта ностальгия по литературной Казани. Всё очень просто: главным и бессменным редактором журнала «День и ночь» является наш земляк Роман Солнцев, который хоть и заделался давно сибиряком, но дружеских и литературных связей со своей исторической родиной не теряет. И уж ему ли не знать о том, что русские и русскоязычные поэты и прозаики, живущие в Татарстане, пока могут только мечтать о своём толстом литературном журнале? Вот он и взял их под своё крыло. И не только казанцев, но и челнинских, елабужских членов Союза российских писателей, являющегося одним из соучредителей журнала.

По горькой иронии, ушедший год был для «ДиН» юбилейным — ему исполнилось десять лет! За эти годы, оказавшиеся весьма трудными, даже кризисными для большинства толстых журналов, «День и ночь» не потерял ни в толщине, ни в красочности обложки, ни — тем более — в качестве литературных публикаций, снискав себе репутацию «лучшего литературного журнала России вне Москвы». Хотя, конечно, и над ним время от времени сгустились тучи финансовых затруднений. Но всё как-то обходилось...

Первым ударом, от которого редакция «ДиН» долго не могла оправиться, стала смерть Виктора Петровича Астафьева, выдающегося русского писателя, который был в числе вдохновителей и главных помощников журнала, а по существу — его

знаменем, духовным отцом. Но беда, как известно, одна не ходит...

«Новая администрация края, — говорится в прощальном обращении главного редактора к читателям журнала, — с самого начала нам отказала в финансировании. Да и прежняя, полувоенная, администрация не баловала своей поддержкой. Сорос, помогавший русским журналам, из России ушёл, генеральный директор „Красцветмета“, любивший наш журнал и поддерживавший нашу серию „Поэты свинцового века“, погиб... Возможно, время от времени в интернете мы будем выставлять наиболее замечательные стихи, прозу и публицистику из нашего портфеля (этих материалов сегодня хватило бы номеров на пять вперёд!), но просим прощения у авторов, если не сможем более отвечать всем — как обычной почтой, так и электронной».

И тем не менее, зная неумную, кипучую натуру Романа Солнцева, верится с трудом, что он так легко смирился с концом своего детища. Мы связались с Романом Харисовичем, и вот что он просил передать авторам и читателям журнала «День и ночь», живущим в Татарстане: «Спасибо, друзья, за сочувствие и поддержку. Мне пока трудно сказать что-то определенное о дальнейшей судьбе журнала, но не всё так безнадежно. Мы уходим от официального учредителя и ведём переговоры с потенциальными спонсорами. Есть надежда, что нас поддержит фонд М. Прохорова („Норникель“). Ещё раз спасибо, низкий поклон Казани».

2006

РОМАН СОЛНЦЕВ ⁵

«Настоящая литература требует при чтении сладостной и нелёгкой работы ума и души»

— Роман Харисович, окончив физический факультет Казанского государственного университета, работая физиком и участвуя в сибирских геологических экспедициях, вы всё же избрали писательский путь. По определению Льва Аннинского, стали «физиком с походкой геолога и душой словесника», самым молодым «шестидесятником». Что побудило вас сделать столь непростой выбор?

— Боюсь, что вас разочарую, — я ещё в школе решил, что физика и геология для меня станут методом постижения мира. Нет, великим самомнением не страдал, вполне понимал, что надежды могут не сбыться, но сочинял стихи с безумным сладострастием. Конечно, как робкий советский юноша из деревни, был доверчив, испытал огромное влияние самых ярких и дерзких по тем временам

4. Источник: © Газета «Республика Татарстан» (<https://rt-online.ru/p-rubr-kult-34139/?print=print>).

5. Беседу вёл Ростислав Иванов. Донецк — Красноярск, 14 апреля 2006 года (<https://reading-hall.ru/publication.php?id=6752>).

молодых московских поэтов. Если что-то и было во мне достойное внимания (как в любом человеке, не лишённом способностей), всё это подверглось всёёлому разрушению либо искажению — так искажается в страшном сне лицо матери... Но доброе наставничество писателей старшего поколения — Константина Симонова и Виктора Астафьева — помогло вернуться к моим корням, к естественному для внука нищих крестьян языку. Однако и воздействию поэтической эстрады я признателен — я вдруг впервые увидел если не народ, который смотрит на тебя, то его огромную часть... понял, что стихи могут в иные дни оказаться важнее газет... Я бывал в воинских частях и тюрьмах, на погранзаставах и в закрытых сибирских городах... На переломе эпох меня уговорили сибиряки баллотироваться в народные депутаты СССР, и, конечно же, этот короткий эпизод перед крушением державы оказался для меня необычайно важным... И теперь, если Бог подарит ещё сколько-то лет жизни, мне есть о чём писать, есть что отстаивать в эти смутные дни... Меланхолик по натуре, я всё-таки, как любой крестьянин, верю в силу новой весны и нового лета...

— Мне кажется, что подавляющему большинству современных обывателей не интересны Константин Симонов и Виктор Астафьев, и тем более не интересны их ученики и последователи. Благодаря политике отдельных государственных деятелей обществу, а именно идейной и социальной направленности, а литературе, и поэзия в частности, никому не нужна. Многие талантливые литераторы добровольно уходят из жизни неизвестными и невостребованными. Откуда в вас такая уверенность и вера в «силу новой весны и нового лета»?

— О том, как ныне весьма часто уходят из жизни талантливые писатели, я вам могу и сам рассказать, подробно, с фамилиями и датами смерти... В прошлом году, в сентябре, на книжной ярмарке, куда меня пригласило Агентство по делам печати с предложением обсудить за круглым столом проблему: «Писатель в русской провинции», — я и начал со скорбного списка... кто, когда, в каких городах и всяех России повесился, спился, замёрз на улице, был убит неизвестными... наиболее ранимы, конечно, поэты... Я был приглашён вести этот разговор как редактор ещё живого журнала «День и ночь». Напомню, прекрасное издание «Русская провинция» (Тверь) уже не существует. «Волга» (Саратов) давно закрылась (правда, на днях СМИ сообщили, что её попытаются местные власти возродить)... Но что же это у нас такое происходит, если мы всё время что-то возрождаем?... А кто убил? Равнодушие государства. Оно, это равнодушие, выжигает кислород — отсюда его не хватает не только писателям, но и читателям, ещё вчера много и страстно читавшим. Вот и листаем

детективы (других книг почти нет!), смотрим сериалы про убийства и разврат, где всё легко разгрызается, как в подкидной дурачке... И это длится уже более десяти лет... Если на Кавказе выросло целое поколение «волчат», привыкших любой спор решать с оружием, то в срединной России, в Сибири, воспитались как раз такие люди, о которых вы говорите, для кого неинтересны Астафьев и Симонов. Прежде всего, разумеется, молодёжь. Но она не более повинна в этом, как деревце, придавленное упавшим железным забором, повинно в том, что кривое... Питаемую рекламодателями агрессию одних только телеканалов трудно оценить иначе, как разрушительную и антиконституционную. Министр культуры согласен: да, да, это ужасно!.. Но ничего не меняется. Всё во имя денег, любые средства хороши, вперёд — в прекрасное тёмное будущее!

Недавно президент России предложил обществу национальные проекты. Среди них нет ни слова о духовном хлебе, о книгах, музыке, о поощрении искусств. Страна одичала: зачем ей бывший детдомовец, в семнадцать лет добровольцем пошедший на войну, Астафьев, написавший книги, которые мучительно читать? Зачем ей Симонов, без романов которого о войне, да хотя бы и одного стихотворения «Жди меня», нет правдивой истории нашей Родины? «Тяжело читать... да и не может быть, чтобы война была такой жестокой, мрачной, а наши генералы такие бездарные...» — говорили Астафьеву некоторые читатели, в основном благополучно прожившие жизнь. Эти люди хвалят книги, которые легко листаются. «Прямо отдохнул!..» — вот их высшая оценка. А то, что настоящая литература требует при чтении работы ума и души... то, что великие, нравственные, глубокие книги постигаешь не с первого раза... что, читая их в третий и сотый раз, открываешь для себя поразительные глубины — это любителям бульварного чтива непонятно. И даже раздражает. «Чё-то все мудрят... образованность все хотят показать... Ты нам проще, и народ тебя поймёт!»

Ну так вот. Каждый для себя делает свой выбор. Хочешь — смотри сутками «Аншлаг» с Петросяном и Дубовицкой, с мужиками, одетыми в женские одежды. Хочешь — читай Гоголя, и Достоевского, и того же Астафьева, если не хочешь добежать до финиша румяным кретином. А почему это опасно? А в каждом народе есть ядро, и со временем от раздражения, от неприятия лжи, из-за того, что компасы бестолково крутятся, оно взрывается. Это молодёжь. И первые признаки уже видны на ночных, да и дневных улицах... Юные неграмотные бунтари ищут врага или даже просто развлечений... но грядет день, и они, выйдя из СИЗО или больниц, исколотые и полуживые, спросят: где вы были, отцы, что делали? Какие книги писали? Где наша страна?

С усмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Тоже был трудный писатель—М. Ю. Лермонтов.

«Русская литература, нравственная, гениальная, не прочитана»

— Вы описали ужасающую картину «тёмного царства», которое, в связи с отсутствием национальных проектов по развитию литературы и поощрению искусств, ожидает нас в недалёком будущем. Скажу откровенно, сложившаяся ситуация вызывает ощущение безысходности. Но, возможно, у вас, человека, умудрённого богатым жизненным опытом, есть своя программа вывода общества из состояния всеобщего бескультурья и бездуховности?

— Беда и радость нашей дорогой России в том, что у каждого из нас есть своя программа, у любого академика и бомжа, у инженера и школьника... да только кто нас слушает?! Мы—дети и внуки рабов, получивших паспорта при Хрущёве в тысяча девятьсот шестьдесят первом году (как раз через сто лет после исторического указа Александра Второго, отменившего крепостное право), и когда, отталкивая нас, страстно и весело обманывая, пробиваются во власть в большинстве своём не самые лучшие граждане Родины, с длинными руками, часто—полубандиты, что мы делаем?... Иногда выходим на митинги, даже, бывает, демонстративно голодаем... а потом привычно снижаем, спиваемся от тоски... Но дети-то?! Они словно брошены нами. Не до вас, пацаны! Вот придёт новый царь, разгонит прожорливую армию чиновников... и наступит царство справедливости... А может быть, и нынешнему лидеру уже стало понятно, что не туда руль раскрутился? Обнадёживают некоторые его выступления... Кажется, впрямь поторопились бесплатную медицину поручить... лучшее в мире образование подзадушить... Обещанная ещё господином Ельциным хорошая зарплата для учителей пока что лишь нарисована...

Но, я считаю, дальше ждать и опасно, и стыдно. Каждый должен, если он действительно хочет расцвета в нашей стране, в своей собственной жизни, начать с себя, дорогого. Если говорить о писателях, сегодня место писателя—в школе, в институте. Великая русская литература, нравственная, гениальная, не прочитана сегодняшней молодёжью, я уповаю на неё (великую литературу), я уповаю на людей с жизненным опытом и выстраданной установкой на патриотизм, которые придут к детям, к юношеству. Теперь мы с вами должны оттолкнуть от наших детей провокаторов, горлопанов, микролимоновых, для кого развал и падение России—радость великая. Потому что, когда человек тонет, он хватается за всё, что поверху плавает. А поверху плавает всегда сами знаете что—нет, не цветочек. А вот эти господа.

И если вы меня спрашиваете, что я могу предложить, чтобы в России наладилась осмысленная жизнь, когда понимаешь, что впереди, а не живёшь загравленно, в вонючем тумане... я и говорю:

1. Надо идти к молодёжи.
2. Надо посоветовать президенту распустить весь чиновничий аппарат, передав временно правление сверху донизу на свои структуры. Аппарат реакционен, продажен, они без мыла в любую новую заявленную главную партию вступят.
3. Хватит прощать огромные долги соседям, которые нас продают на каждом шагу, зарабатывая на нашей доброте миллиарды. Хватит практически бесплатно дарить им нефть и газ, в то время как у нас треть России живёт при дровах и керосиновой лампе.
4. Нужно отключить телеканал господина Эрнста с его мерзкими передачами, где царят Нагиев и прочие циники века. И отдать эту кнопку каналу «Культура», пусть вся страна наслаждается хорошими фильмами, умными разговорами о жизни и искусстве. К сожалению, канал «Культура» видят только в городах, и то не во всех...
5. Нужно в список национальных проектов вписать пятый: «Национальная книга». Дать, наконец, денег региональным управлениям культуры на издание—через конкурс—лучших произведений местных писателей.
6. Принять, наконец, и закон о творческом работнике. Расцвёл махровым цветом плагиат, самые счастливые представители этого бизнеса уже заседают на самом вершине.
7. Обратиться письмами—всему народу—к президенту Путину: осталось два года до его переизбора... Если он вправду хочет уйти достойно, пусть он вернёт наворованные олигархами деньги в Россию! Пусть инвестирует хотя бы половину стабилизационного фонда в науку и промышленность... мы отстаём, гниём на ходу... Он должен предложить в правительство внятных людей, самый вид которых не раздражал бы Россию... Неужто нет психологов, физиологов, которые советовали бы? Нужно быть жёстче—менять кадры. Пусть обратится к России: каков, по мнению граждан, рейтинг членов правительства?... Пусть люди звонят!.. пишут!.. Народ у нас умный. Я думаю, результат будет замечательный. Вот мой самый заветный совет президенту. А к кому ещё обращаться? Выше только Господь Бог, да только в последнее время снег валит, небес не видно...

«Письма и телеграммы шли мешками...»

— Роман Харисович, вы сказали, что человек, действительно думающий о расцвете своей страны, в первую очередь должен начать с себя. Но, к сожалению, далеко не многие решаются на такой поступок, и тем более не каждый решается на выпуск литературного журнала. Вы, например, выпускаете один из ведущих толстых журналов России, «День и ночь». Расскажите, пожалуйста, о своём детище.

— Идея учредить новый журнал в Сибири возникла не сразу. В конце семидесятых в Красноярск вернулся жить Астафьев, и, конечно, сразу же сюда, на новый его адрес, стали поступать рукописи от начинающих русских писателей, и не только от начинающих. Поначалу он просил меня иной раз прочитать те или иные стихи (прозу одолевал сам, несмотря на один лишь свой работающий глаз)... Как-то мы заговорили о том, что в российской провинции обитают мало кому известные прекрасные поэты. Во всяком случае, у каждого из них найдётся по одному, по два стихотворения, которые могли бы достойно войти в любую антологию. «А вот давай и соберём такую книгу! — предложил Виктор Петрович. — А я договорюсь с издательством „Современник“». Разумеется, «чёрную работу» я взял на себя: написал открытки в двести с лишним городов России, в писательские организации и журналы, с обращением к поэтам, что мы с В. П. ждём от них по десятку лучших стихов. На нас через неделю-вторую повалилась гора бандеролей и посылок. Первым читал эту бездну стихов я, отбирал по два-три наиболее ярких стихотворения и бежал показывать Астафьеву. Мы как в лихорадке, восторгаясь и печалясь (многие хорошие стихи были безрадостны...), составили книгу и назвали «Час России». Вскоре она вышла в Москве и была замечена и поддержана многими серьёзными литературными критиками...

Астафьев весело рубанул рукой: «А слабо издать теперь антологию одного русского рассказа?!» Но, прикинув, какие центнеры бумаги нам придётся перелопатить, от этой идеи отказались. У нас же не было помощников — перепечатывал я, иногда помогала Мария Семёновна, жена Виктора Петровича... но у неё же имелась и своя постоянная работа (расклейки, чтение корректуры астафьевских книг...).

Прошло несколько лет — мы с Астафьевым оказались в Москве, на первом съезде народных депутатов СССР (Астафьева выдвинул Союз писателей СССР, я баллотировался по просьбе местной интеллигенции по Красноярскому округу и неожиданно для себя набрал около семидесяти процентов голосов). Конечно, эта утомительная, несладкая, крайне ответственная работа много

дала мне в познании «подвалов и крыш» нашей России, да и проницательному, опытному Астафьеву добавила не одну зарубку на сердце... Письма и телеграммы шли мешками... А тут ещё Евгений Евтушенко поймал меня в Кремле: «Мы организуем новый, демократический Союз российских писателей, откалываемся от михалковского... я тебя рекомендую на роль первого секретаря...» Состоялся учредительный съезд, я был введён в секретариат, но от «руководящей должности» отказался в пользу молодой и энергичной Марины Кудимовой. Тогда меня назначили одним из сопредседателей СРП и секретарём в более высокой структуре — в ССП (в Сообществе союзов писателей стран СНГ). На пару месяцев пришлось окупаться в дёрганую чиновничью работу, мне, разумеется, обещали дачу в Переделкине и прописку в Москве, но я вдруг затосковал — оказался в центре неизбежных московских склок... Вдруг звонит из Красноярска Астафьев: «Чем ты, Рома, там занят? На хрен тебе эта канитель?» Позвонил и первый, только что назначенный, губернатор Красноярского края, замечательный «дед», один из лучших хлеборобов СССР Вепрев: «А не хочешь ли ты, голубчик, домой? Мне бы тут помогал...» И, наконец, приехала в Москву моя жена, пожила три дня, посмотрела, как я тут мучаюсь на не свойственном мне посту... И — уехал я обратно в Сибирь. Но, как человек до глупости исполнительный, оставаясь сопредседателем СРП, стал думать, как же помочь хотя бы сибирякам, особенно молодым, в издании их лучших произведений. К тому времени некогда знаменитые и вольнолюбивые «Сибирские огни» (Новосибирск) превратились в скучный желтоватый журнал, а другие периодические издания и вовсе погасли. Идею создать журнал «День и ночь» Астафьев сразу поддержал, но мы не представляли себе, как же будет трудно искать деньги на издание... Поначалу помогали некоторые директора заводов (Л. Н. Логинов, В. Н. Гулидов), губернатор В. М. Зубов, Фонд Сороса... а потом мы зависли, думали уже и закрыть «День и ночь»... местным властям было не до культуры. Мы погибали, но вот три года назад нас поддержал благотворительный фонд Михаила Прохорова («Норильский никель»), за что мы, конечно, ему благодарны. Этих денег хватает на печатание журнала. На всё прочее приходится искать...

Я смертельно устал, мы делаем хороший большой журнал, выходящий шесть раз в год тиражом полторы тысячи экземпляров, объёмом от двухсот пятидесяти двух страниц до трёхсот двадцати, при плотной вёрстке! — втроём. К нам идёт большая почта и обычным путём (бандеролями), и по интернету. Наши авторы — со всего мира (из Украины и Прибалтики, из США и Израиля, из Германии и Франции...). Но при равном качестве

текстов мы отдаём предпочтение, разумеется, сибирякам — половину объёма каждого номера занимают *наши* (разумеется, не о политической группе с таким же названием речь!).

В редколлегии — Василий Аксёнов и Борис Стругацкий, Валентин Курбатов и Михаил Успенский... известные писатели от Питера до Сахалина... причём у нас нет свадебных генералов, все члены редколлегии рекомендуют, читают, критикуют, если есть за что...

За двенадцать лет существования журнала мы напечатали и сделали известными в литературном мире России не менее двухсот молодых поэтов и прозаиков, некоторые наши публикации выдвигались на всевозможные премии и получали их или входили хотя бы в шорт-лист (например, замечательная повесть А. Чистяковой «Не много ли для одной?..» получила бы Букера, если бы жеманные московские критики вдруг не прознали, что автор — никакая не модернистка, пишущая от имени старухи, а и в самом деле старая женщина из-под города Кемерово!). Более десяти наших молодых авторов стали лауреатами премии Фонда Астафьева (некоторые — ещё при его жизни и при его собственном отборе!).

Что будет дальше с журналом «День и ночь» — Бог весть. Но в этом году мы ещё живы...

— Будем надеяться, что не за горами тот день, когда заработают законы о творческих работниках, и благодаря проектам, направленным на возрождение культуры, мы узнаем новые имена талантливых поэтов и прозаиков из числа молодёжи, брошенной сегодня на произвол судьбы. Выйдут из печати и будут востребованы читателем великие и глубинные книги наших современников. Главное, работать и никогда не сдаваться! Роман Харисович, спасибо за интересную беседу! Желаю вам крепкого здоровья, новых и интересных встреч! Творческих успехов! Всего вам доброго!

— Спасибо!

II

2013

МАРИНА САВВИНЫХ

Дела давно минувших дней⁶

Есть ли в провинции литературная жизнь? Старожилы любого российского региона, кто — сдвинув брови, кто — наоборот, удивлённо приподняв,

скажут: определённо, была! В некоторых местах даже была ключом. В Красноярском крае, например, помимо собственного книжного издательства, регулярно выпускавшего книжки местных писателей и выплачивавшего авторам приличные гонорары, помимо стабильно выходившего альманаха «Енисей», помимо Дома писателей, где фактически обитала писательская организация, единая и неделимая вплоть до начала нового века и расколовшаяся исключительно по вине чужаков, налетевших — гуси-лебеди! — Бог знает откуда, грубо вторгшихся в её ряды, наломавших дров и улетевших в весьма даже известном направлении, как только переменился ветер... так вот, помимо всего этого, в крае имелось Бюро пропаганды художественной литературы, которое отвечало за регулярные выезды писателей в райцентры, посёлки и деревни, организовывало встречи с читателями, сотрудничало с библиотеками и всячески развивало иные формы литературного обмена, как говорится, сверху донизу и снизу доверху. По всему краю работали литературные объединения самых разных направлений — от поэтических до science fiction. В качестве руководителей оных выступали профессиональные литераторы, часто — очень известные и за пределами региона. До сих пор живёт добрая слава о студиях Аиды Фёдоровой, Анатолия Чмыхало, Андрея Лазарчука... Достаточно систематически в Красноярске — и в других городах края — проходили семинары молодых писателей, по итогам которых творческая молодёжь получала рекомендации для вступления в профессиональный союз, самым ярким и оригинальным произведениям открывался путь к публикациям в серьёзных журналах, тут же издавались коллективные сборники и книжные кассеты. Стремительно возгорались и становились, выражаясь нынешним СМИ-шным языком, мегапопулярны молодые поэты и прозаики, многие из которых пронесли свою славу до нынешних дней, но о большинстве из литературных звёзд Красноярья шестидесятых — восьмидесятых сегодня лишь вспоминаем с грустью: иных уж нет, а те далече...

Особую ноту и особенную систему координат в литературное бытие и сознание красноярцев внёс вернувшийся на родину в восьмидесятом году В. П. Астафьев. Надо отдать ему должное: в бурное двадцатилетие, стремительно приближавшее нас к концу века (к «концу света»?), когда ломалось и рушилось всё, под чем не имелось прочной экономической базы (а её в культуре не имелось практически ни под чем!), он не только удерживал своим авторитетом самое ценное из того, что было, но и помогал становлению множества новых форм, семена которых без его участия никогда не вззошли бы. Пока жив был Астафьев — разный, не во всём дальновидный, не всегда справедливый, часто резкий, страстно

размашистый в суждениях, но со всей очевидностью личностью мирового масштаба и великий художник,—у красноярских писателей был живой ориентир профессионального уровня и не требующий дополнительных аргументов стимул всяческого клубления и общественно-полезной деятельности. Ближний астафьевский круг, собственно, и определял персональный состав и качественный ценз писательских рядов Красноярского края вплоть до начала нулевых.

Достаточно взглянуть на поимённый список тех, от кого в девяностые—нулевые исходили самые мощные созидательные импульсы, возбуждавшие вокруг Астафьева кипящий событиями водоворот. Роман Солнцев. Журнал «День и ночь», который он организовал в конце 1993 года при участии самого Виктора Петровича и нескольких друзей-писателей, прошёл, кажется, все возможные и невозможные «огни, воды и медные трубы»—и в те времена, когда закрывались старые, стабильные и авторитетные журналы по всей стране, не просто выжил, а развился, расцвёл, вышел на международную орбиту, продолжает свою литературную деятельность и сегодня, двадцать лет спустя. Рядом с Солнцевым были тогда Эдуард Русаков, Сергей Кузнецихин, Сергей Федотов, Александр Астраханцев (теперь он возглавляет Красноярское отделение Литературного фонда России), Михаил Успенский, Андрей Лазарчук, Алитет Немтушкин... Блестящая писательская когорта!

В непосредственной близости, хотя и соблюдая некоторую дистанцию, трудились мастера слова, так сказать, «другой стороны»: Анатолий Чмыхало, Александр Щербаков, Борис Петров, Владлен Белкин... Надо отдать должное членам Красноярского отделения СПР—они, как могли, старались сохранить альманах «Енисей», старейшее сибирское издание, имеющее славную историю, долго и надёжно державшее качественную планку для красноярских писателей и читателей. Забегая вперёд, подчеркну: возрождение «Енисея» стало реальностью лишь тогда, когда литераторы смогли «встать над схваткой», вынести за скобки взаимные претензии и объединить усилия в достижении общей цели.

Девяностые открыли для «постклассической» литературы нашей скорбную череду потерь. В девяносто седьмом умер Зорий Яхнин, человек, творчество и судьба которого имеют поистине символическое значение для сибирской культуры. Мы сейчас ещё не вполне это понимаем, но недалёк час и свежих прочтений, и выстрадавших имён.

Затем плодоносные почвы мастерства на наших литературных нивах стали стремительно тощать. В 2001-м ушёл Астафьев, потом один за другим—Немтушкин, Солнцев, Петров, Чмыхало... Называю только самые заметные, крупные

имена. По рядам художников, так сказать, «второго состава»—тоже будто шрапнель прошла. Сейчас, как никогда прежде, ощущается, что смены ушедшим нет. Молодые писатели в профессиональные союзы не стремятся, да и сами критерии профессионального—тот «гамбургский счёт», о котором с горечью твердит Александр Астраханцев,—пошатнулись настолько, что наши, с позволения сказать, профессиональные «тусовки» ныне почти ничем не отличаются от любительских. Может быть, это и стало причиной тому, что многие первоклассные красноярские литераторы отошли от дел и в писательских мероприятиях участия не принимают. Не видно и не слышно Александра Бушкова, Сергея Задерева, Олега Корабельникова, Елены Семёновой, Татьяны Долгополовой, Александра Силаева, Дмитрия Захарова... уехал в Петербург Андрей Лазарчук... покидает край в поисках лучшей доли самая талантливая молодёжь... Свято место пусто не бывает: уже ясно, кем и как заполняются возникающие лакуны. Но стоит ли по этому поводу печалиться, посыпать голову пеплом? Ведь всё в мире переменялось. Объективная реальность, данная нам в ощущениях: «Смешались в кучу кони, люди, и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой!».

Печалиться не стоит, а вот делать что-то надо. Никогда прежде творческий зуд в народе не проявлялся с такой интенсивностью и размахом. Ещё в начале девяностых были отмечены попытки обеспокоенной культурной элиты как-то оседлать эту волну.

В 1994 году предприниматель Андрей Лукашов выдвинул инициативу—соединить благотворительные вклады самых влиятельных финансово-экономических структур края с целью поддержки талантливой сибирской молодёжи. Так возник Фонд имени В. П. Астафьева. Виктор Петрович дал согласие использовать своё имя в этом благом начинании. Практически до рокового 2001-го он сам и «визировал» решения Совета Фонда. В Совет входили представители организаций-благотворителей—на уровне первых лиц—высшие чиновники и выдающиеся деятели культуры края. В таком составе Совет утверждал решения экспертных комиссий, каждая из которых состояла не менее чем из семи наиболее авторитетных специалистов в своей области. Комиссии было несколько—по числу номинаций. В первые годы существования Фонда конкурс на соискание его премий проводился для молодых журналистов, артистов, художников и литераторов. Как проходило заседание самой первой экспертной комиссии по литературе, когда лавры победителя и умопомрачительная премиальная сумма в четыре миллиона рублей (1994-й!) достались мне, я, конечно, не знаю. Председателем комиссии был замечательный писатель, выдающийся

организатор, человек трудной судьбы и большого таланта Сергей Константинович Задереев. Он же возглавлял тогда Красноярскую писательскую организацию, в которой мирно уживались и «либералы», и «патриоты», ибо, в отличие от московской братии, делить им было нечего и все понимали, что, кроме вреда, ничего это «деление» провинциальным писателям не принесёт. Что и было неопровержимо доказано самым беспристрастным судьёй — временем.

Позднее я сама стала членом экспертной комиссии Фонда Астафьева и даже несколько лет подряд руководила её работой. В адрес Фонда поступали сотни рукописей, члены комиссии добросовестно их читали и собирались на заседания не реже трёх-пяти раз за время проведения конкурса. При обсуждении кандидатур разгорались нешуточные споры, и, когда консенсус всё же достигался, решение комиссии тщательнейшим образом протоколировалось и выносилось на утверждение Совета Фонда, который тоже собирался гласно и регулярно. Эта «кухня» была абсолютно прозрачной и демократичной во всех своих нюансах. Я так подробно останавливаюсь на этом, потому что теперь, к сожалению, от прозрачности и демократизма премиального процесса здесь не осталось и следа. Впрочем, может быть, именно в этом, как говаривал персонаж Ильфа и Петрова, «великая сермяжная правда». Никто ведь не знает заранее, в какую сторону проложена колея истории, — в окутавшем мир кровавом тумане об этом можно лишь догадываться, и каждый, естественно, уверен в собственной зоркости и чужой слепоте. Однако что было — того тем более не изменишь. Вокруг Фонда Астафьева, да и вообще в связи с ещё совсем недавним прошлым красноярского писательского сообщества, некоторые, с позволения сказать, борзописцы развели столько вранья, что нам, ещё живым свидетелям событий, фактов, поступков и характеров, молчать грешно. Не оставлять же грязь на скрижалях! Вот и говорю: «Мы живы, ребята! всё помним. Побойтесь Бога. Пóлно врать!»

Виктор Петрович инициировал знаменитые «Литературные встречи в русской провинции». Раз в два года в Красноярск, Дивногорск, Овсянку съезжались писатели, издатели, редактора литературных журналов, литературоведы, библиотекари, учителя, музейщики, деятели театра и кино со всей России. Это был поистине уникальный смотр сил тогдашней российской культуры. Ничего подобного в те годы за Уралом не было. И атмосфера праздника на несколько фестивальных дней окутывала весь центр Красноярского края. Кого здесь только не было! На «Литературных встречах» я познакомилась с В. Я Курбатовым, М. Н. Кураевым, М. С. Литвяковым, В. Н. Яранцевым, А. Э. Лейфером, Н. Годиной, Н. Игнатенко, Ю. Беликовым... да разве перечислишь всех друзей, собеседников,

единомышленников, товарищей, которые обретенны благодаря таким фестивальным «мостам»?

После ухода Астафьева «Встречи» недолго продержались. Были попытки возродить их в виде Астафьевских чтений, но... то ли масштаб уже был не тот, то ли не нашлось людей, способных смиренно и бескорыстно взвалить на собственные плечи неподъёмный груз организационных задач. Только Чтения не прижились.

Предпринимал попытки «фестивальить» и Фонд Астафьева. Самой масштабной такой попыткой стал слёт молодых литераторов «Очарованные словом», получивший весьма противоречивые отзывы как участников, так и самих организаторов. И тем, и другим стало ясно, что не только полномасштабный литературный фестиваль, но и семинар с участием авторитетных гостей — дело не только затратное, но и крайне хлопотное. Стоит ли такая сомнительная овчинка этакой дорогостоящей выделки? Проблему — как это всегда у нас происходит ввиду очевидных неувязок — мягко «спустили на тормозах»...

На фоне несколько поблёкших декораций литературного процесса в середине нулевых неожидално сильно заявил о себе Фонд Михаила Прохорова, организовав в Красноярске масштабную книжную ярмарку, КРЯКК, которая сразу стянула на себя и премиальные, и фестивальные, и популяризаторские, и рыночные функции. Книжные люди оживились, воодушевились, засучили рукава. Этому воодушевлению способствовали и ещё, по крайней мере, два существенных обстоятельства. Красноярским Законодательным собранием и правительством края (назову имена «застрельщиков»: Алексей Клешко, вице-спикер Думы, и Ольга Карлова, зам. председателя правительства) была запущена грантовая программа «Книжное Красноярье». Ежегодно из бюджета края выделяется несколько миллионов рублей для осуществления самых привлекательных в социальном плане издательских проектов. Конкурс есть конкурс. Сладких пряников на всех не хватает. Появились победители, появились и обиженные. Но факт остаётся фактом: благодаря «Книжному Красноярью» полки библиотек пополнились множеством прекрасных книг — краеведческого, историко-культурного, научно-популярного содержания, а также — книжек для детей и юношества и беллетристических сборников.

Второе обстоятельство связано с уникальным опытом Красноярского края в деле специального литературного образования. Здесь — своя история. В 1996 году редакция журнала «День и ночь» совместно с администрацией Красноярского края (её возглавлял тогда Валерий Зубов) осуществили проект, реализовавшийся в виде удивительной книги «Пегас ворвался в класс». В этом красочном фолианте собраны стихи, рассказы, сказки,

сочинения, афоризмы и рисунки школьников Красноярского края. Оформили книжку ученики знаменитого красноярского художника и дизайнера Олега Ампилового (к слову сказать, первый макет «Дня и ночи» разработал именно он). Возглавлял всю работу по сбору, редактированию и оформлению сборника Роман Солнцев. Я ему помогала. В поле нашего внимания попали работы учеников Сергея Курганова, учителя Красноярской экспериментальной школы №106. Эти детские тексты оказались настолько из ряда вон выходящими, не похожими ни на какие другие, что я — к тому времени заведовавшая кафедрой культуры педагогического колледжа — решила во что бы то ни стало познакомиться и с самими ребятами, и с учителем, и с педагогической системой, которая даёт такие потрясающие результаты. Сказано — сделано. Вскоре я с головой погрузилась в изучение головокружительного эксперимента, организованного в сто шестой. С. Ю. Курганов, теоретик и практик Школы диалога культур, в своё время оказавшей огромное влияние на инновационное педагогическое движение, сам не чуждый сочинительству, предоставил мне возможность не только читать и готовить к печати стихи, прозу и литературоведческую публицистику своих учеников, но и напрямую общаться с ними.

С этого времени в журнале и вокруг забурлила школьная жизнь. Каждая тетрадка «Дня и ночи» содержала теперь раздел «Синяя тетрадь», за который отвечала я и в котором публиковались лучшие детские произведения, причём не только красноярские — в редакцию очень скоро устремились письма учителей и родителей со всех концов бывшего СССР и даже из-за рубежа. В одном из номеров журнала мы напечатали большую документальную повесть Сергея Курганова «Сохрани мою речь» — уникальную как по материалу, так и по форме: это поистине полифоническое произведение, которое через документы, тексты разных людей, включая собственную авторскую речь учителя, передавало суть и пафос педагогической работы и специфику достижений учеников. Каждую неделю я ходила в сто шестую — на уроки, которые с «кургановскими» детьми проводили другие учителя; каждую неделю «кургановские» приходили на мои занятия в колледж, а когда стало ясно, что и этого недостаточно, вся компания во главе с Сергеем Юрьевичем стала по субботам собираться у меня дома. Так продолжалось почти два года. В редакционных папках журнала скопились между тем сотни детских рукописей, учительских и родительских писем — оказалось, что любая разовая публикация имеет эффект разорвавшейся гранаты: юный автор, получив поощрение, продолжает сочинять и рассчитывает на дальнейшие преференции; наблюдающие его деятельность сверстники устремляются к тому

же — а результаты этой деятельности, увы, профессионалов чаще всего разочаровывают. Талант автором, но ведь надо и учиться! Так что мысль об авторской школе литературного творчества одновременно пришла сразу в три головы: мою, Солнцева и Курганова. Роман Харисович сказал: «Марина, делайте! Я поддержу». Летом 1997-го первый вариант проекта Красноярского литературного лицея был готов. Мы с Кургановым сломали тысячу копий, пока нашли консенсус, пока у нас не получился более или менее приемлемый для всех сторон текст. Теперь дело оставалось за малым — всё это «в натуре» организовать. Здесь в высшей степени пригодился «административный ресурс», который мог задействовать Солнцев, и наш с Кургановым научно-методический и практический опыт. Нам помогли тогдашний мэр Красноярска П. И. Пимашков, тогдашний генеральный директор завода «Красцветмет» В. Н. Гулидов (чтобы получить к нему доступ, я специально ездила в Овсянку к Астафьеву с «прошением», которое Виктор Петрович — со вздохом — подписал) и директор всё той же сто шестой И. Д. Фрумин, который приютил новую авторскую школу под своим крылом. Помог даже Фонд Сороса, присудивший проекту Золотой грант. Мы с Романом Харисовичем не один вечер провели, обсуждая формы работы его мастерской. У него дома — множество альбомов по искусству, редких грампластинок, видеозаписей. Ему хотелось всеми сокровищами, которые более чем за полвека накопила его душа, поделиться с детьми. Так что он вводил своих «подмастерьев» не только в мир художественной словесности, но в мир искусства в самом широком смысле. Небольшая лицейская аудитория, где сейчас расположен мемориал Солнцева, на его занятия становилась и залом филармонии, и киноklubом, и даже съёмочной площадкой. Но это — позднее. А пока пришлось совершить нечто небывалое — в то время, когда всё кругом рушилось и закрывалось, открыть в Красноярске новое учебное заведение.

Не стану описывать наши подвиги и мытарства на этой стезе, но в 1998 году Литературный лицей на базе Красноярской базовой экспериментальной школы №106 был торжественно открыт. С тех пор прошло пятнадцать лет. За эти годы лицей и журнал «День и ночь» совместно продавали фантастическую по объёму и качеству работу в области литературного образования школьников. Лицей воспитал целую плеяду талантливых молодых людей, среди которых выпускники Литературного института имени А. М. Горького, известные журналисты, деятели культуры, прекрасные школьные учителя. Из нашего первого, «кургановского», кружка вышел в большую литературу самый популярный, наверное, сегодня молодой красноярский поэт, лауреат Фонда

Астафьева и премии имени И. Д. Рождественского, финалист Илья-Премии Иван Клиновой. Мы выпустили ещё двух «Пегасов» — теперь уже с помощью администрации города Красноярска. А сколько конкурсов провели! Сколько сборников издали! Какую методическую базу накопили! Открыли даже несколько филиалов в Красноярске и в Ермаковском районе Красноярского края. Тоже поразительно эффективных.

Короче говоря, сам факт существования в Красноярске такого очага образования и культуры долго держал писательское сообщество в особом тонусе, позволявшем забыть разногласия ради высшей цели. Помимо всего прочего, эта крепкая творческая мускулатура давала возможность профессиональному сообществу более или менее «сохранять лицо» в борьбе с графоманией и падением художественного вкуса. Подтянулось — насколько возможно — и министерство образования: через эту исполнительную структуру юным авторам, сумевшим заявить о себе наиболее ярко, стали выплачиваться специальные стипендии имени В. П. Астафьева — из тех именных стипендий, которые в народе тут же окрестили «губернаторскими». В те же годы — начиная с 2001-го — газета «Городские новости» стала выпускать особое приложение под названием «Детский район», которое целиком и полностью создавалось детьми под руководством взрослых — писателей и педагогов. Сначала этой территорией детского творчества занималась я, потом передала бразды правления замечательной детской писательнице Елене Тимченко. Под её руководством «Детский район» выходит до сих пор. Сегодня это единственное в крае общедоступное периодическое издание для детей. А уж такого уровня литературная газета, которую делают сами дети, — смею думать, единственная в мире!

Здесь следует обратить внимание и на следующий немаловажный фактор культивирования литературных пажитей края. Дом писателей. Сколько помню себя в этой среде, он располагался на первом этаже длиннейшей многоэтажки по проспекту Мира, 3. Судьба сего учреждения с самого начала был неверна, а порой и плачевна. Не стану вдаваться в подробности, но за двадцать с лишним лет каких только перипетий, включая бесконечную смену начальников, не пережили писатели вместе со своим многогосударственным Домом. Тем не менее работа шла, дела какие-то делались, в конференц-зале проходили выставки и концерты, собирались писательские собрания, осуществлялись поездки писателей по краю и выступления на различных площадках в городе. Более того, лицей вместе с Домом писателей — при неременной поддержке нашего министерства культуры — учинил детско-юношеский конкурс под названием «Чистая купель», по итогам

которого проходил однодневный семинар для победителей и выпускался одноимённый сборник. Худо или бедно, свою консолидирующую и культурно-просветительскую роль Дом писателей играл. Пока, наконец, всё и здесь не приблизилось к опасной черте, за которой либо неподвижность, либо — срыв.

Не могу не упомянуть и о том, что свою позитивную деятельность в указанном направлении на протяжении многих лет вели Литературный музей имени В. П. Астафьева с его бессменным руководителем А. В. Бродневой и весь спектр красноярских краевых библиотек — от универсальной научной (директор Т. Л. Савельева) до юношеской и детской, которые, каждая на свой лад, с местными писателями работали, в общеполезные заботы их вовлекали, культурное пространство — по вертикали и горизонтали — тщательно структурировали и уплотняли.

К середине нулевых литературная ситуация в крае достигла, на мой взгляд, некоего устойчивого баланса. Две признанные государством писательские организации — КРО СПР и выполняющая функции регионального отделения СРП «Писатели Сибири» — научились мирно сосуществовать, лишь изредка взаимно подставляя и покусывая друг друга. Стабильно, хотя и с некоторой надсадой, выходил общеписательский литературный «толстяк», который, несмотря на принадлежность руководства к СРП, печатал и «наших», и «не наших», лишь бы это было талантливо, грамотно и интересно. Спорадически возникали выпуски «Енисея». Время от времени краевая власть жаловала писателей индивидуальными грантами и прочими поощрениями. Продолжал свою работу Фонд Астафьева, помогающий молодым. Литературный лицей учил. Литературный музей представлял площадку для специфических досуговых форм — иногда самых причудливых: несколько лет в его помещении даже располагались очень приятное кафе с соответствующим профилю места уклоном и книжная лавка, где можно было купить произведения местных авторов. Библиотеки заботились о встречах писателей с читателями. Краевая власть — правда, не слишком щедро — спонсировала книжную политику. Книжная ярмарка привлекала в Красноярск издателей, книгопродавцев, писателей и публику чуть ли не со всего света. Рядом со всем этим изобилием ветвистых и кустилась самодеятельность — со своими тусовками, периодическими и прочими изданиями и издательствами, печатающими книжки за деньги авторов. Михаил Стрельцов привёз и укоренил на красноярской почве конкурс «Король поэтов», который в известном смысле предвосхитил предсловутые «слэмы». Публике и специалистам предлагалось относиться ко всему этому с юмором — дескать, всё это шутка. Однако шуточки вскоре

стали перерастать в нечто такое, что существенно повлияло на литературную атмосферу в целом. К добру или к худу — оставлю собственное мнение при себе. Могу лишь констатировать — так есть. Писателям, конечно, не хватало возможности издавать свои книги (о том, чтобы продавать свои книги, я уже и не говорю). Они сетовали на то, что в крае нет ни одной литературной премии, которая не «дискриминировала» бы авторов по возрасту, что стало загухать фестивальное движение, что практически отсутствуют образовательные практики для поддержки литературного творчества взрослых. Обе писательские организации, каждая со своей стороны, время от времени предпринимали попытки привлечь внимание властей к этим проблемам. Власти время от времени снисходили до собеседований с ними, постоянно педалируя стремление сотрудничать лишь с объединённым писательским отрядом, что означало, в сущности, указание заведомо недостижимой цели. Но в целом всё замерло в некоем более или менее устойчивом равновесии.

И вдруг, впервые с 2001 года, когда ушёл из жизни В. П. Астафьев, произошло трагическое событие, резко пошатнувшее всю эту сбалансированную постройку.

В 2007 году не стало Романа Харисовича Солнцева. Этого никто не ожидал, к этому никто не был готов: ни редакция журнала «День и ночь», ни Фонд Астафьева, руководством которым мы уговорили его принять в конце 2006-го (после того, как на очередном Совете Фонда — в присутствии тогдашнего президента Е. Г. Кузнецовой, оставившей пост, — я категорически отказалась от этой роли, стало ясно, что, кроме Солнцева, ситуацию подхватить некому), ни администрация лицей, то есть я же. Болезнь унесла его стремительно, буквально в три месяца. Ещё в марте 2007-го мы по телефону и по электронной почте обсуждали с ним насущные дела и дальнейшие планы. И вот — шок.

Спустя шесть лет после этой трагедии я вынуждена констатировать, что планка литературного уровня красноярских писателей в целом съехала по меньшей мере ещё на несколько делений. Диагноз всё тот же: старики уходят, молодёжь лишена благотворного общения с себе подобными из других регионов, учить её негде и некому, да и не слишком-то хочет она учиться — ей вполне хватает слэмов и взаимного удовлетворения в Сетях. Знаменитые «Стихи.ру» и «Проза.ру» этому весьма поспособствовали. Не говоря уже о других печальных факторах... Утешает — если только можно считать это утешением — лишь то, что это отнюдь не региональное явление. Это общенациональная беда. Вот и С. Н. Есин, бывший ректор Литинститута, пишет в дневнике о вступительных работах литовских абитуриентов:

«Увы мне. Опять короли, Свет, Тьма, друиды, эльфы, провизорское слово, дистиллированная, без оттенков жизни фраза, привычные штампы. Вина нашей школы и нашего телевидения. На перевоспитание уйдут годы, и результаты не вполне ясны. Милый, обманутый временем и книжным рынком ребёнок, будто и не читавший русской литературы». Лицейские дети, конечно, принципиально иные, но их не так много, чтобы волны текущего процесса повсеместно окрасились в светлые тона.

Уход Солнцева стал тяжёлым ударом по журналу «День и ночь», который пришлось по крупницам собирать и восстанавливать новой редакцией и новому составу редколлегии. Особенно трудным был 2009 год, когда спасти «День и ночь» удалось только благодаря титаническим усилиям редакционного коллектива. Благодарно склоняю голову перед моими товарищами Н. А. Слинковой, А. И. Астраханцевым, С. Д. Кузничихиным, Э. И. Рукавовым, перед Мишей Стрельцовым, непобедимый оптимизм которого и способность к лёгкому устанавливанию нужных контактов в какой-то момент перетянули чашу на весах судьбы в пользу «Дня и ночи». Перед вице-спикером краевой Думы А. М. Клешко, который сумел найти способ государственной поддержки журнала: благодаря ему с 2010 года «День и ночь» выходит стабильно, на хорошем полиграфическом уровне, со строгим отбором авторов и произведений, что уже создало ему славу одного из самых уважаемых литературных «толстяков» современного русского мира. И, наконец, перед нашими постоянными авторами, которые не изменили журналу даже в самые тяжкие времена. С 2007 года, с тех пор, как я стала главным редактором «Дня и ночи», журнал требует всех моих сил — физических, моральных и творческих. Очень скоро мне стало ясно, что вести одновременно два таких грандиозных проекта, как «День и ночь» и литературный лицей, мне не под силу. Надо было выбирать. Скрепя сердце и стиснув зубы, я приняла решение оставить лицей.

В интервью журналу «Основы православной культуры» и порталу «Переправа» я так объяснила этот свой шаг:

«...руководство Красноярским литературным лицеем я передала другому человеку. Хотя вообще я уверена, что образовательные практики, подобные этой, как художественные произведения, имеют начало, развитие, кульминацию и конец. Так было с Царскосельским Александровским лицеем, высший результат деятельности которого приходится как раз на завершение первого образовательного цикла — с 1811 по 1817 год. Так было с толстовской школой в Ясной Поляне. Так происходит со всякой авторской школой. Перед Красноярским литературным лицеем его основателями была поставлена определённая задача. Сегодня я

могу с удовлетворением констатировать, что она достигнута: за время работы лица мы выпустили несколько десятков молодых людей, которые уже сегодня заметно влияют на культурную политику региона, а некоторые из них — и шире, и дальше. Ситуация в России и в мире сегодня кардинально иная, чем пятнадцать лет назад. Новые цели в тех социально-экономических условиях, в которых наш лицей находится сегодня, реализовать невозможно. Я полна решимости создавать другие образовательные площадки, так сказать, с учётом вызовов новейшего времени. Что же касается „старых стен“ — надеюсь, новое руководство сможет с максимальной эффективностью использовать наше наследство».

2016

Астафьевские традиции⁷

В апреле 2007 года журнал «День и ночь», один из самых популярных современных российских журналов, потерял своего главного редактора, придумавшего и вместе с небольшой группой писателей при поддержке и прямом участии Виктора Петровича Астафьева организовавшего в Красноярске толстый журнал для семейного чтения. Роман Солнцев четырнадцать лет «раскручивал», как сейчас говорят, этот журнал, который быстро перерос региональные рамки и стал желанной площадкой для выступления перед читающей публикой самых разных авторов — от маститых, увенчанных лаврами ещё при социализме, до совсем юных, впервые пробующих силы на, так сказать, профессиональной сцене. Солнцев создал образ журнала, работоспособную редколлегия, в которую, кроме красноярцев, входят писатели из Москвы, Перми, Омска, Санкт-Петербурга и Пскова, Филадельфии и Иерусалима, а главное — устойчивый круг авторов, продолжающих сотрудничать с журналом и сегодня.

Позволю себе процитировать фрагменты из писем писателей, которые мы получили вскоре после ухода Романа Харисовича:

«Спасибо Вам за тёплые слова и сообщение о том, что повесть моя увидела свет в „Дне и ночи“ — журнале, который для многих писателей глубинной России и русскоязычного зарубежья стал той редкой проталиной, где вытягиваются к солнцу свежие ростки...» (Юрий Беликов, Пермь)

«...Какой редкий „семейный“ журнал, для которого подлинно нет „ни эллина, ни иудея“, незаметно вырос в России!» (Валентин Курбатов, Псков)

«Спасибо за поддержку литераторов Алтая! Мы всегда с вами в борьбе за журнал, бывший

и остающийся уникальным, светлым явлением нашей современной литературы! Каждый экземпляр у нас в Барнауле сразу же расходуется по рукам, снимаются с него копии и т. п.». (Михаил Гундарин, Барнаул)

«Вам, замечательному журналу „День и ночь“, нужно продолжать работу, несмотря ни на что». (Владимир Яранцев, Новосибирск)

Цитировать можно ещё и ещё; наши авторы, читатели, библиотекари, учителя пишут о том, как важно существование журнала, как много он значит для многих тысяч людей, говорящих и пишущих по-русски во всём мире. Я не оговорила: примерно четверть объёма каждого номера (а это около двухсот пятидесяти страниц) — произведения наших соотечественников, живущих в США и Германии, Латинской Америке и Франции, не говоря уже о «ближнем зарубежье», которое, став таковым, не перестало духовно тянуться к родной культуре, особенно к нам — за Урал.

Я так подробно об этом говорю, чтобы — и не голословно! — заявить во всеуслышание: красноярский журнал «День и ночь» живёт и здравствует; он выходит стабильно, имеет собственный сайт в интернете и представительство в Журнальном Зале «Русского журнала». Жизнь продолжается... и какой она будет, жизнь и деятельность красноярского международного журнала, зависит от нас. Поэтому — о традициях...

В октябре 1998 года, открывая Красноярский литературный лицей, Астафьев говорил: «Я знаю много очень хороших русских писателей, с которыми учился на Высших литературных курсах, общался десятки лет. Они с большим трудом и очень редко произносят слово „писатель“, в любом удобном случае о себе они скажут „литератор“, очень осторожно. Потому что это очень большая ответственность. В России, где писали Пушкин, Гоголь, Толстой, Тургенев, Достоевский... да и ещё так называемая второстепенная литература, которая составила бы честь любого европейского государства... Произносить после них слово „писатель“?.. да и они редко его произносили, чаще говорили „сочинитель“. Слово „сочинитель“ мне всё-таки больше нравится, больше оно соответствует и той профессии, которая существует в мире. Профессия прекрасная и проклятая. Ничего тяжелее нет. По крайней мере, я не знаю. Переработал я рабочим всяких специальностей... и в горячем цеху работал, и в аду бывал, но знаю, что вот это — уже на износ. Это изнашивает навсегда. Всё изнашивает. Если только вы соглашаетесь с тем, что вы будете литераторами, готовьтесь к огромному внутреннему постоянному труду, постоянному чтению от утра и до вечера, чтению не только того, что вам нравится, но чаще всего того, что вам не нравится, совершенствованию,

обязательному приобщению к музыке, к природе... без этого никакого литератора не бывает!»

Надо ли специально подчёркивать, что эти слова и я, учительница литературы, сама к тому времени посвятившая более двадцати лет подённому литературному труду, и ребята, пришедшие учиться ремеслу литератора в наш лицей, восприняли не просто как напутствие, но как глубоко продуманный завет мастера ступившим на его путь ученикам?.. Но, кроме этого, я убеждена: ту же цель преследовал Виктор Петрович, когда пятью годами раньше согласился поддержать нарождающийся в Сибири совершенно новый литературный журнал — для семейного чтения. Почему так? В чём идея?

Первое. Десятилетние годы остались в нашей памяти пафосом войны всех против всех, азартом взаимоуничтожения инакомыслящих и конкурирующих... В девяносто третьем противоборствующие политические силы не смогли найти иных аргументов в борьбе идей, кроме оружейных залпов по зданию Верховного Совета. И это был финал, видимо, последних иллюзий интеллигенции, вдохновлённой надеждами перестройки и либеральными ветрами девяносто первого. Мы — в который раз! — вверглись в войну. И из этой войны, похоже, не скоро и не запросто выйдем. И, похоже, это снова такая война, в которой победителей не бывает. Как и для Льва Толстого, для Астафьева война всегда — зло. Справедливых войн — нет. Поэтому журнал для семейного чтения, который вознамерился издавать в Красноярске Роман Солнцев, мыслится как площадка свободного диалога «вне политики, вне конкуренции» (прошу прощения за набивший оскомину — а теперь уже, кажется, и благополучно забытый — слоган).

Вот уже двадцать лет «День и ночь» печатает произведения авторов, которые часто исповедуют не только противоположные политические доктрины, но даже иной раз и противоположные религиозные взгляды. Демократы и коммунисты, правые и левые, атеисты и православные, реалисты и постмодернисты... как все они уживаются на страницах «Дня и ночи»?

Уживаются, потому что — по-астафьевски — в момент художественного откровения становятся больше, значительнее и собственных политических предпочтений, и собственных обид, и собственных амбиций. Таков непререкаемый закон искусства: Истина, Добро и Красота в подлинном художественном произведении являются как элементы единого целого, причём слово «элементы» надо понимать здесь не как «части целого», а как стихии, каждая из которых с необходимостью определяет всё целое. Отступил автор от Истины — не будет в его создании ни Добра, ни Красоты. Отрёкся от Добра — не ищи у него ни Красоты, ни Истины. Не удержал Красоту — не смогли явиться миру Истина и Добро. Казалось бы, так просто.

Но... именно таков принцип отбора рукописей для публикации в нашем журнале. И именно этот принцип чаще всего становится камнем преткновения в наших отношениях с начинающими и... продолжающими писателями. «А судьбы кто?» — спрашивают те, кому мы отказываем...

Действительно, где критерий? Где мера? Последние пятнадцать-двадцать лет литературный процесс в России подобен реке, размывающей берега. У каждой «литературной тусовки» — своя мерка, свои герои и изгои, свои — «трибуны» и свои — меценаты. Тут уже действительно важно определиться: «с кем вы, мастера культуры?» И мы, те, кто сегодня делает журнал «День и ночь», открыто и прямо говорим: «Мы — с Астафьевым». Что это значит?

Это значит, что для нас, как и для Виктора Петровича, фундаментальными, определяющими являются две ценности: Природа и Культура. Когда я говорю «природа», я отнюдь не имею в виду «пейзаж» или, скажем, специфически деревенскую тему. Природа, как её понимает Астафьев, — это создание Бога, результат работы Творца. Человечек — Божье дитя — достоин любви, внимания и уважения без всяких скидок на своё природное несовершенство. Астафьев понимает человека — Божью тварь — в одной великой симфонии жизни со всеми прочими Божьими тварями; счастлив тот, кто умеет жить в согласии с общим бытийным законодательством, иначе — разрушение, смерть. И не та Смерть, что есть безусловный гарант и зиждитель Жизни (Астафьев, как никакой другой русский писатель, сумел показать взаимную необходимость жизни и смерти в великом круговороте природы), а та, что ведёт нашу Землю к уничтожению, к Ничто, в котором порушено не только отдельное существование, но мироустройство как таковое. Человек в минуты своего высшего раскрытия вписан у Астафьева в гармонический мир всебытия. Он тянется к своим корням, обдумывая и принимая опыт предков; он обустроивает землю, питаясь её глубинными источниками — и гибнет в конфликте с эгоистическими, выморочными, агрессивными собственническими инстинктами — своими и чужими. Природа у Астафьева — почва человеческого характера. И эту «почвенность» характера мы старательно ловим в многоголосии нашего журнального «самотёка».

Но этого мало... Другой, не менее важный, критерий, другая, не менее важная, ценность — культура. Для Астафьева создание природы, продукт творчества Бога, Величайшего Мастера, и высшее создание человеческого духа в момент их сопряжения в сердце созерцателя — читателя, слушателя, зрителя — равновелики. И это — грандиозное обещание, святая и сладкая надежда! «Красота спасёт мир!» Да, спасёт, если не валять её в грязи и не равнять с иконами, изображёнными на купюрах...

Итак, если говорить об астафьевских традициях, которых держится журнал «День и ночь», то их как минимум две:

— гуманизм, понимаемый как человечность — напряжённый интерес и бережное, любовное внимание к человеку, будь то наш современник или воскрешаемый пером художника герой прошлого;

— подвижничество художественной формы, трезвое и, я бы сказала, самоотречённое отношение к писательскому труду.

Вот, пожалуй, и все критерии.

Поэтому активно печатаем «ветеранов» писательского труда. Их повести, романы, стихи — осмысление прожитой жизни, мемуары, дань памяти и любви. И, как правило, хороший русский литературный язык.

Виктору Петровичу не раз припоминали его страстный «антикоммунизм». Да, Астафьев имел все основания обвинять — и обвинял советских руководителей в экспансии против природы и ненависти к собственному народу, в чём, кстати, советский строй вполне органично смыкался с мировым империализмом. Но Астафьев никогда не был диссидентом — в привычном для нас значении этого слова. Никогда не допуская угодливых приседаний в сторону Запада. Никогда не гнался за постмодернистскими вывертами. Хотя не был он и «квасным патриотом». Как художник он вообще никогда не шёл на поводу у какой-то одной-единственной внешней правды. Как это у Пушкина о великом вселенском законе:

Но горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно...

Поэт Пушкина — «к ногам народного кумира не клонит гордой головы». Один у художника Судия — Господь Бог, являющийся его сознанию той же троицей: Истиной — Добром — Красотою. Слышит писатель голос этого Бога в душе своей — дойдёт его слово до человеческого сердца; не слышит — ну что ж... современный мир бесконечно разнообразен, каждый может создать искусственное бытие по образу и подобию своему и пустить его в странствие по мировой паутине.

Как аукнется — так и откликнется. Печатному слову есть сегодня мощная альтернатива — интернет. Казалось бы, хочешь покрасоваться на миру — флаг в руки! Тысячи, сотни тысяч читателей... но, несмотря на это, по-прежнему писатели стучатся в журналы, где рукописи проходят оценку и отбор, где читатель — избранный, искушённый, взыскательный, где совершается самая большая роскошь на свете — роскошь человеческого общения; на том уровне, которого ищет требовательная в меру своего развития душа...

Кто же «меж нами, с кем велите знаться?» — воскликнул однажды Маяковский. И тут поневоле, отвлёкшись от созерцания вершин и оглядевшись по сторонам, оказываешься в окружении так называемой «актуальной» литературы. Листвя купленный на ярмарке книжной культуры, что недавно прошла в Красноярске, сборник Игоря Золотусского, изданный Сапроновым в Иркутске, и готова солидаризироваться с каждым словом таких, например, выводов:

«Да, человек подл и низок, но он и высок, и в последнем никак не хотят признаться дети распада... произнеси при них слова „идеал“, „свет“, их губы искривит раскольниковская улыбка... Мне жаль этих детей, но мне жаль и читателя. Грязь способна прилипнуть к одежде, от грязи зарождаются воспаления и инфекции, и, умножая грязь, мы умножаем болезни. Литература ужасно заразительна. Она в состоянии во сто крат увеличивать то, что берёт из жизни. Мат на улицах, мат на заборах, теперь мат в романах и повестях — это гибель языка, это гибель почитания предков. Мне скажут: такова жизнь. Но литература не должна сталкивать человека в яму. Поэт не могильщик, он — поэт».

Что же касается «актуальной» поэзии — о ней, по-моему, очень точно сказал в своё время Евтушенко: «Молодая современная поэзия напоминает хоровое исполнение сольной арии Бродского». Спустя годы это обстоятельство стало, по-моему, ещё более ощутимым.

Впрочем, каждое направление имеет свои вершины. Мы стараемся ориентироваться на них... У нас есть Андрей Иванов, Дмитрий и Наталья Мурзины — в Кемерово, блестящая молодая плеяда, сгруппировавшаяся вокруг барнаульского писателя Михаила Гундарина, Юрий Татаренко в Томске, Евгений Мамонтов во Владивостоке, есть «дикороссы», вдохновляемые пермяком Юрием Беликовым... да мало ли прекрасных писателей по всем градам и весям российским — надо только, чтобы здоровую поросль не глушил сорняк! На том и стоим, того и держимся!

III

2023

ВАДИМ НАГОВИЦЫН

Третий период

Норильск всегда был передовым и культурным городом. И все культурные события, случавшиеся в Красноярском крае, доходили до Норильска моментально.

Про новый литературный журнал в Красноярске (а был ещё старый, «Енисей») мне стало известно в начале осени 1994 года, когда готовился запуск первой независимой радиостанции в Заполярье. Пришёл в студию Сергей Лузан, поэт, романтик, охотник и путешественник, и показал толстенький журнал с пёстрой обложкой: «День и ночь».

«Странное название», — подумал я. Но мы записали с ним десятиминутный диалог об этом новом печатном издании и выпустили в эфир.

Позже, с осени 1997 года, «День и ночь» стал чаще попадать мне в руки. Приносили авторы-норильчане, публиковавшиеся на его страницах. А с весны девяносто восьмого Сергей Лузан выпускал на волнах радио «Полюс» ежемесячную литературную программу «Арктида», где не только представлял творчество норильских писателей, но и делал обзоры новых номеров журнала и знакомил с его авторами.

Помню, что тогда уже начинались некоторые трудности с регулярным выпуском. Норильские литераторы на круглых столах, собиравшихся в нашей радиостудии, постоянно обсуждали новости творческой жизни нашего края и часто вспоминали журнал — он нравился им. Особенно отмечал достоинства «Дня и ночи» известный норильский поэт и бессменный руководитель литературного клуба «Надежда» Юрий Бариев.

Осенью 1998 года Юрия Адыгамовича не стало. Сергей Лузан уехал заведовать факторией, а остальные литераторы немного поутихли. О журнале мне напоминал только поэт Олег Ващаев, изредка печатавшийся на его страницах.

А в 2002-м и я уехал из Норильска насовсем: в Великобританию, в земли вятичей, на берега Оки, где и прожил пятнадцать лет в трудностях благостных и непростых.

Приезжая каждое лето на историческую родину, познакомился уже и с красноярскими литераторами: Мариной Саввиных («День и ночь») и Сергеем Кузичкиным («Новый Енисейский литератор»). Меня в то время удивляла и радовала активная литературная жизнь Красноярска — журнал, альманахи, десятки литературных студий, турниры поэтов, семинары и даже литературный лицей! Я продолжал следить за судьбой красноярского журнала и изредка, в летние приезды, держал его в руках и охотно читал.

Литературный журнал интересен, прежде всего, своими авторами. Писатели Красноярья всегда выделялись своей наособенностью, самобытностью, крепостью и углублённостью. Потому их произведения и придавали журналу особую содержательную энергетику.

Основателем журнала «День и ночь» и его первым главным редактором был замечательный поэт

и прозаик Роман Солнцев (Ринат Харисович Суфиев). Суфий — духовный, просветлённый. Роман Солнцев и был человеком ярким и незаурядным, любимцем литературной публики и кумиром творческой молодёжи.

Начало девяностых годов прошлого века было временем больших надежд на новую жизнь и на свободное воплощение творческих замыслов. И хотя «чёрный октябрь» съёл вместе с Домом Советов мечты о светлом будущем, всё же многие люди не сдались и не опустили руки.

В Красноярске, стараниями Солнцева, родился новый литературный журнал. Первые его номера были поддержаны губернатором Валерием Зубовым, человеком первой волны демократической романтики, которая постепенно иссякла к порубежью веков. Но изначально был дан довольно мощный стартовый импульс, которого хватило аж на тридцать лет развития.

При Романи Солнцева журнал всё-таки был хотя и содержательным, но несколько эклектичным и не всегда ровным по публикуемым произведениям и представляемым авторам. Сказывались то ли организационные проблемы, то ли финансовые трудности, то ли личные душевные смятения Романа Харисовича. Финансирование журнала было нерегулярным, часто спонтанным, и каждый номер, уходящий в печать, мог стать и последним, о чём иногда и возвещал с грустью главный редактор. Но журнал, вопреки всему, продолжал выходить. День сменялся ночью, ночь — днём, день за днём, месяц за месяцем, а «День и ночь» продолжал жить своей особой журнальной жизнью.

В начале 2007 года, уже будучи тяжело больным, Роман Харисович передал всё ещё действующий журнал в руки товарищей и единомышленников. Главным редактором стала Марина Олеговна Саввиных — начался новый этап в жизни литературного журнала.

«День и ночь» довольно сильно изменился по содержательности и эстетическому духу. Стало меньше мужской брутальности, откровенной антисоветчины. Стало больше романтики и лирического настроения, со страниц снова повеяло надеждой и забрезжили лучи духовной радости, появились оптимистические произведения. Журнал заметно преобразился.

Но главной заслугой Марины Олеговны стало решение вопроса о регулярном финансировании издания. И неоценимую поддержку оказал Алексей Михайлович Клешко, журналист, депутат и общественный деятель. Журнал стал получать годовую субсидию от Агентства печати и массовых коммуникаций и обрёл уверенность в завтрашнем дне. Шесть номеров в год стали выходить регулярно и без сбоев. Так продолжился второй период жизни журнала.

Летом семнадцатого я окончательно вернулся в Красноярск и возобновил контакты с местными литераторами. «День и ночь» стал читать чаще. И чаще стал общаться с Мариной Саввиных.

Журнал издавался, понемногу рос и развивался, улучшал качество и преодолевал циклические проблемы. Я неспроста говорю о журнале как о некоем живом существе, потому что любой коллектив, собравшийся воедино ради благой цели, одухотворяет и результат своего труда. Журнал «День и ночь» как печатное издание обрёл свою эгрегориальность и стал влиять на порождающих его людей посредством особой нематериальной энергетики, перенастраивая их на особый лад жизни.

Любой проект и любой коллектив, как и любой тонкий механизм, организованный сложным образом, проходит свои стадии роста с накоплением погрешностей, от которых следует периодически избавляться, и с накоплением положительных обретений, которые изменяют и его качество, согласно известному диалектическому закону. Собственно, алгоритмы развития журнала «День и ночь» оказались тождественны алгоритмам почти всех литературных изданий, порождённых за последние полвека, что только подтверждает теорию происхождения тех или иных культурных явлений по сильному духовному запросу общества. Красноярский край имел огромный запрос на литературный журнал, адекватный своему масштабу, и он породил его.

В конце 2018 года я был приглашён на работу в редакцию, скорее как кризисный менеджер, для преодоления накопленных ранее проблем финансового и организационного порядка. Редакция нуждалась в серьёзном организационно-правовом преобразовании и в переходе в новое творческое качество.

Сказать, что в редакции с огромным напряжением сил работали энтузиасты за... скромное жалование,— не сказать ничего. Рассказать, какой тяжёлый воз с огромным напряжением сил тянула на себе Марина Олеговна,— трудно и сейчас. А ведь мало кто знал тогда про подвижничество Марины Саввиных, да и сейчас мало кто понимает.

И я не могу не поведать об этом. Дабы у публики не возникало иллюзорных представлений о том, что в редакции блаженствуют эльфы под сладкозвучные аккорды арф и нежат себя нектаром и амброзией, понуждая ритмичными мантрами и рифмованными заговорами регулярно самопечататься журнал волшебным образом. Кто соучаствовал в издательских процессах, тот до сих пор ужасается каторжному труду до полного нервного истощения. Только до сих пор эта сфера деятельности сокрыта от публики приукрашенными драпировками. Прекрасное может скрывать свою изнанку!

Работа в редакции не должна носить характер экстремальных нагрузок и сокрушительных стрессов, а вполне может строиться на соразмерном расходовании интеллектуальных и нервных сил, с полноценной творческой самоотдачей и с получением духовного удовлетворения.

Поскольку данная статья — не отчётный доклад о проделанной работе, а лишь посвящение в некоторые таинства издания популярного журнала, то о многом сознательно умолчу и поведаю лишь самое важное.

Редакция претерпела серьёзные организационно-правовые преобразования — от ООО в АНО, разрушила внутренние и внешние проблемы, рассчиталась с накопившимися долгами, нарастила сумму субсидии и стала работать в более спокойном ритме и с крепкой уверенностью в своём будущем.

В 2020 году по рекомендации Марины Саввиных я стал главным редактором. Так начался третий этап в жизни журнала.

Я пришёл в чужой монастырь, в уже сложившийся коллектив крепких профессионалов, и мне нужно было лишь аккуратно, не навредив, оптимизировать деятельность редакции, отделяя её творческую часть от организационно-хозяйственной рутины. Коллеги по достоинству оценили мой скромный вклад, чем я весьма удовлетворён.

Но ситуация в стране и в мире движется по весьма драматическому сценарию, и это оказывает серьёзное влияние на общественную жизнь. На издание журнала тоже.

В самом конце двадцать первого года редакция претерпела ещё одну трансформацию. Было предложено всем составом перейти в государственную структуру и радикально изменить характер издательской деятельности. В 2022 году журнал «День и ночь» стал издаваться «Медиацентром», бюджетной организацией при Агентстве печати и массовых коммуникаций.

Сказать честно, что-то было утрачено, а что-то приобретено. Любая реорганизация вызывает некоторые болевые ощущения, но потом всё срастается и заживает. Была внесена определённая системность, добавившая сложностей, но упростившая отчётности и улучшившая финансовое состояние редакции. Журнал продолжил выходить регулярно.

И наконец... редакция снова обрела свой офис.

Ныне журнал «День и ночь» рассылается в тридцать два региона России и будет рассылаться минимум в сорок в следующем году. Журнал теперь получают областные, краевые и республиканские библиотеки в тех регионах, в которых отмечена наибольшая литературная активность. Там журнал

стали читать регулярно, и это несколько изменило и качество присылаемых в редакцию авторских материалов из тех краёв.

От библиотек пошли не только похвальные отзывы, но и просьбы возместить утраченные (экземпляры стали красть из библиотек!) и испорченные номера. Значит, публика читает! Но возместить нечем. Журнал распределяется строго по утверждённым спискам по библиотекам, в том числе школьным, по творческим организациям и рассылается авторам и казённым учреждениям.

Тысяча экземпляров нашего издания по-прежнему регулярно распределяется через бибколлектор почти по всем библиотекам Красноярского края, и везде журнал доступен для чтения. Библиотекари с мест изредка сообщают, что в формуляр журнала заносится минимум одна запись, значит, хотя бы раз в год, но журнал берут в руки. А где-то его и зачитывают до дыр.

И всё-таки издание журнала не сводится только к отбору качественного литературного материала, наполнению номера контентом, печати в типографии и распределению по библиотечным полкам. Журнал литературный является особой формой организации творческого процесса.

Начинающий литератор, поэт или прозаик, должен иметь возможность представить своё произведение читательской аудитории, получить отзывы и критику, чтобы или продолжить свой писательский рост, или оставить это поприще навсегда. И страницы литературного журнала едва ли не самые важные для общения писателя с читателями.

Также литературный журнал, особенно региональный, часто объединяет своих авторов в творческое сообщество, оказывая влияние на эстетику и идеологию произведений, но и авторское сообщество формирует дух издания, выводя его на тот или иной уровень общественной значимости и популярности.

Литературный журнал, прежде всего, доносит до современников состояние литературы нашего времени. А ведь литература в России—это не просто главное национальное искусство, искусство художественной словесности, не просто нравственный самоанализ общества или социальная рефлексия, а ещё и важнейшая сфера духовной жизни нашего народа. Состояние литературы—состояние

общества во всех его проявлениях: в его упадке или подъёме, в мечтах, радостях и устремлениях.

Писатель в России—это всегда печальник и думник о народе и Отечестве. В строках своих писатель должен держать ответ для публики: радуемся или страдаем, помираем или боремся, есть ли надежда и когда случатся перемены.

На мой взгляд, сегодня литературный журнал более важен для писателей, так как устанавливает главные критерии качества и планку для уровня содержательной части произведений, чтобы имелись постоянные ориентиры для дальнейшего развития, движения вверх и не терялись бы реперы, без которых—лишь сваливание во мрак и одичание.

Продолжается третий период жизни журнала. Он сохранён, преодолел непростые проблемы, продолжает выходить регулярно, не снизил качества содержания, стал более популярным и доступным в дальних уголках России.

Нет, не всё идеально. Но это не мешает издательской работе. Пока.

Коллектив критически маленький! Всего пять штатных и одна нештатная единица. А нужно ещё минимум два сотрудника для более размеренной работы, потому что в команде всегда должны быть запасные игроки—и на случай кризиса, и для качественного роста в дальнейшем. Начальству нашему—да в уши!

Остаются ещё некоторые проблемы с подготовкой кадров, с грядущей сменой поколений, с расширением читательской аудитории, с пиаром и рекламой журнала в регионе и за пределами его, с поиском новых и интересных авторов. Но это текущие проблемы, которые, надеюсь, будут разрешены мною вместе с нашим замечательным коллективом.

Я всего лишь третий главный редактор журнала «День и ночь» и продолжаю, по мере сил и возможностей, то, что до меня проделали титаническими усилиями мои предшественники: Роман Солнцев и Марина Саввиных. Главное, уверен, что я не последний главред и после меня обязательно придёт достойная смена.

В преддверии тридцатилетия журнала «День и ночь» искренне желаю всем причастным дожить и до его полувекового юбилея. И это в наших силах!